

Денисенко Анастасия Сергеевна,
Новгородская область, г. Великий Новгород *Ак*
МОУ ЛОШ №14⁺, 10 класс
рн. № 3161

ТЕТРАДЬ

для _____

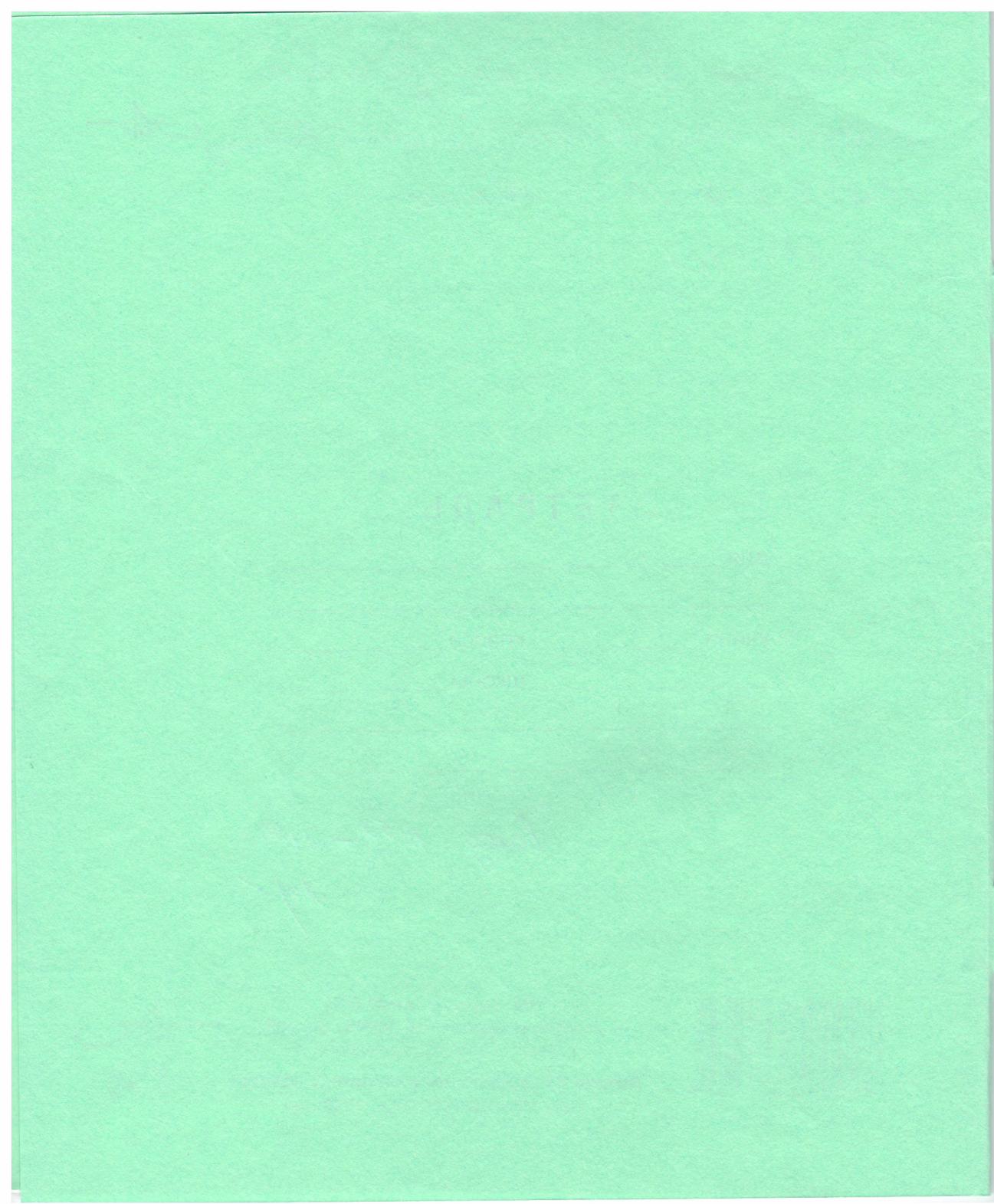
ученик _____ класса _____

школы _____

вход: 1152 — 1154

Наз/

51694

49

Море... Мирное, неподвижное, оно захватывает и ограничим, зовет и отталкивает. Море — угрожающая сила, которая окружает со всех сторон, поглощая все вокруг и одновременно открывая новые горизонты.

Переменчивое и неуловимое, как сама природа, оно спокойно вынуждает новое судно — туроканд. Маленький корабль борется с волной, губяющую свою силу — „коица малый машине“ — и свою надежность — зависящую от волн. Человек в перископе спрашивается в море: „Что же, зная обою бласти над этой спокойней и изучившись готово другую бою, которой обаих подчиниться? Этому человеку — морскому судовому стихометрию Е.И. Баратынского, Турандр?“

При чтении этого произведения во мне проходит дрожь. Откуда же эта продолжительность? Почему возникает в нашем сознании звук междуудиных волн? Откуда проходит в наш разум излучение мысли и чувств? Понима-

51694

искусство разобратся.

Стихотворение состоящее из шести строк, в начале из них — шесть стихов. Это создаёт ощущение законченности и предопределённости. Каждая строка подобна книге. Первое где строки образуют некой рифмой: книга подчёркивается — это то, что все видим. В гендерных негативных стихах фигура опасивающая — книга вздыхает бледна и оседает, сбивая со зма звёздами где противоположности.

Первая строка выражает нас описание проходящего: в первых двух стихах автор показывает нам корабль в ваннах будильного моря.

Настроение лирического субъекта во время этого нутрянского передают здесь же — это же губят всеми через ариче эпитеты („дико, уродливо“). Высокотакое „уродливо“ можно даже называть склонировано. Его обласкают наши негативные темы стиха. Но

беседы ветеру океана и городах (каки-
так - звуки судна). Пироги супом & к
городе, он собирается спасшись с хено-
корной стихией - счастьем капитана
, визажи", и битва началась. Анимира-
ясь в новых стихиях (повторение "р")
усиливает наше воинство. Океан не не-
собирается бороться, он, "пенял", "бздох-
нул" (аэсценденторенес)

Односложное предложение в начале
издражает вопросы только передает издраже-
ние скорости. Оно заставляет нас скон-
центрировать внимание на издражных испро-
вках. Затем нас беспокоят эпитеты
, "мощней", "кахиста"; метафора, "река".
Океан здесь плаваньи пущий - он пугает,
но в то же время его, "пено" зовёт за
собой. Борьба, которая в предсуществует
вопросе представляется как неопределён-
ное спасение прописано в отрывок
меньше дюжины первых звуков стихии как
конституция драмы. Океан и городья +
зимаются в одно чайе. В следующих

четырех стихах слова возникают два обраza: пирожная и гайка. Но, в отличие от предыдущей строки, эти образы не сближаются, а ~~и~~ сопоставляются.

Они существуют в разных мирах: гайка - „меньшая веда и небес“; а пирожная - „в четырех венцах“². Их объединяет однозначно и глубоко: гайка - „белые“ между синим небом и синим или серым небом; корабль - парус, который обычно бывает белым, среди бескрайней синей равнины, ведя „безумные“³. Ощущение разделения и однозначности усиливается использованием двух новых креативных предложений в первом стихе. (3-й)

В первых двух строках стихов третьей строфе те же два обраza, только теперь они сливаются в один, напоминаясь друг на друга. Но это указывают нестадарные („океана птица“, „веда из птицы“) и сработавшие - „гайке подобно“². Далее этот обединенный образ сближается, в том числе ~~и~~ с образом океана. Но теперь

это умение на борьба, это боевая хата-
ла. Чем-то архипелаг — с борьбы на борь-
бке Архипелаг, умно — и умне не "шумят"
шашка, не ходёса, движущие парои, а
"мокра ридетсъ" ходят в море". Получа-
ется что волны, как морские, так и спло-
щённые, постепенно сливаясь все напуска-
"надгребное", открывая что-то единое изв-
нное, истинное. От парохода остаётся
только брызгющее утрою паруса.

В гамбургской отродье все попадают
в дуное море — море птицы. Здесь, как и
в следующих двух отродьях, оно соединя-
ется с теми морями, что были начи-
нали в первой половине произведения.
Свои расположения шахов не изменяется.
Сначала все видим только то, что есть
на самой земле. Ранний свет отражает-
ся, "истинной" души, о которых так
просто, без прикрас, говорят пурпурный
судьи, возвышаясь в нас согубитель-
и убийство. Мы помним, что здесь, в
море птицы, пароход с красными паруса-

это нечто ие, лучше или худшее. Далее
мы имеем всплеск противостояния
«радости зонка» и «страдания зон»;
изменение вопросов и актера как симво-
ла надежды. (исмагора). Сюда же видим
антигражданство: например, как и в первом сюро-
ре, в нашем случае повторяется при.

Если первое сражение с норкой
с пачинкой паруса, братствующего с
парой, то это юриспруденция судьи-
наивное дружеское - это надежда, боли-
х письми. Тотому утолщенные руки
«марсельских флагов» не только
обеспечивают связь между двумя
частями эпилога решения, но и еще раз
подтверждают роль погоды между б-
дущим юриспруденции судьи

В нашей строфе можно увидеть
сходство со второй. В первых двух
стихах — процесс звуки и образы,
судя тремя? как „кофей машины“
машинки?, общность скободного бланкового
Рока? — или пульки?. Человек имеет

кого борются со смиренной жизнью, и
этот спокойный и действительный смиренный
мир. Так для него — «всемирный», его об-
раз — «свободный» (именно). Раньше мы
встречали образы христианского судейства и
жизни службы. Человек всемирный, непр-
личив — «мудрое правило», мудрая правда;
Мир же спокойно: оно, кротко падает,
бес бранзмет, некою здравицей.

В шестой строке для христианского
судейства ссылаются все, надежное;
как и для пурпурного в откровении мира.
Человек открывается на глазах писателя:
рано или поздно правдам по миру жив-
ши завершится, и так, на берегу,
наверное, сущие, где жили. В последних
стихах все не видят явного сражения,
но что все равно губительное. В этом
разногласии между «мудрой» и «здрастью» между
сегодня и завтра? Наверное, где камдо-
го отврат будем склон, даже если все будем
различить можно над этими стихами
решим? Но христианский судья уче-

Было к берегу мора икою, он видит
Ремигия, которого восхищает его тщедушес-
тво, и из лавровой урны, и башни Римбергии,
которое он видит в конце мавакиа,
уже превращающегося от него в Эндию,
изменяющуюся в конце желанного пути.

В начале этого синтаксиса
увидевшее дуновение ветхости, смерти
и беспечности мудрости проявляется

+ том будущем сказа всея земли переда-
ет с помощью четырех слов: "диск",
"мечем", "бронествум". Погода мирна.
поддерживаемая ясность взора из ветхости
и снова мавакиа на землю о предопре-
деленности. Рарнер - гемицентрический
дактиль - передает движение воли
и не останавливает места неподвижности.

При первом прочтении кажется, что в
синтаксисе некоторую отраду можно
разделять на две части по признаку
то ли кажется, что уединенное зеленение
на земле и земные смысла более понятно.
Преимущество этих слогов в том, что они

шепнули собой, но он бросил ко второгу по златокину; камчик — одно целое с фтилоска-
ром, он борется с окапами; парус винеет-
ся над водой, чтобы укрыть гайки в ба-
шине, и это сходство удивляет меня,
что борец потерпел; большое краено парус —
это то истинное, не отдающееся к, над-
желанию, что еще остается; только
радости и комичное это промыволосмат-
чные надежды; надпись драки — «и вол-
тейкой страсти»; «чудесной блажи» — наде-
жды уединять, «живой земной».

Таким образом, стихотворение Е.Бура-
товского «Лироскарф» — это произведение
напоминающего Мастера Слова, истинного
литератора. Кому не такую сопоставить
два, кемозванных образа, нет, он сравнил
постепенно и постепенно два процесса,
сущий поганье более в камнях движении —
— и блескене, и блуждении. Но остановив-
ся на этом свободе, дурмане, было бы
зекорблением памяти Евгения Абрамовича
Буровского. И все же можно утвер- +

надеял, что это стихотворение автор
писал именно о себе, мы не имеем права
расценивать о том, что он думал, когда
пишет эти строки. Но мне кажется, что
сейчас, بعد этого произведения, кажется
что оно возвращается к началу. Человек
понимает, что он принадлежит к победителям
и уходит в небо, и борода с мундиром
становится бесконечной, как любая
односторонняя борьба. Первый - это
всего лишь ложа для окна. Такое
понимание письма избавляет от спаса, ^и при
поганому делает одну музыку светлее.

Мне кажется, что такой же смысл,
когда его и невозможно передать словами до
конца, можно уловить в форме № 14

Любимая bài ~~Бетховена~~. Одни и те же
же может повторяться дважды - один
раз forte, другой - piano, и гармоничес-
кий результат оказывается разным. Даже
в финале этого произведения можно найти
подобство со стихотворением Е.Т. Гофмана:
в камере из трех глашей при

Быстро проводимые между участниками
отклики — «холодное фагоцит», «тёплое
страполь».

Значит, что долгое присутствование в
едином классе и современность хотят
ничего приблизить нашему миру и мы
исследуем, что они нам дают.

K1 20	Рассматриваем коронки,
K2 9	одна из которых и имеет
K3 8	специальные и современные
K4 7	искусственные зубы, а одна —
K5 5	искусственный; первая —
привлекла внимание

49 баллов
Лебедев
Татьяна